

Алексей Дьячков

МУДРВЫЙ ЛИС, ПУГЛИВЫЙ ЗАЯЦ

АДРИАН

Кокон дома, обед с макаронами,
Май с безоблачным небом, балкон.
Отпускает усадьбу с колоннами
По медлительной ряби Харон.

Берегов незаметная разница,
Сторож школьный в траве так же пьян.
Записному фотографу нравится
Так же хочет крапивы бурьян.

Рай такой же — засиженный птичками,
Бюст героя, как амфора, пуст.
Запускает в обломки античные
Ветку с розовой ягодой куст.

Цвета в зарослях кошка наплакала,
Сыплет в зелень крупу серый дождь.
Здесь, animula, vagula, blandula,
Ты покоя себе не найдешь.

Мало радио радует танцами,
Детский хор не печалит гостей.
Океан отозваться пытается
Тишиной на любой частоте.

СУЭФРО

Желтый дом закрыт на карантин,
Пыль осела, выцвела картинка.
Проведи на выход, командир,
Чтоб не заплутала Эвридика.

Не заполнив выписку, главврач
Вслед нам головою покачает.
Напоследок атаракс заначь,
Чтоб не мучить нянечку ночами.

В раздевалке плащ накинь ничей,
И не плачь, что он дыряв и тесен.
Дома будет нам не до вещей,
Не до слов из жалостливых песен.

К тонкой шее серого платка
Прижимая узел подбородком,
Будешь в коридоре иногда
Наблюдать, как искрой бьет проводка.

Как из года в год висят пальто,
Синяя спецуха, серый китель.
Больше не торопится никто
Покурить во двор пустынный выйти.

СТЕКЛО

Охру сентября работник ВОХРы
Вспоминает в редкий выходной.
Форменный пиджак испачкан торфом,
розовую глиной, боже мой. —

Отзовись на зорьке птичьим пенем,
Бескорыстным трепетом леща.

В утешенье краткое забвеньё
В отпуск в не сезон пообещай.

Хутор без бурята и мордвина,
Выживший гуслир изрядно пьян.
Бор гудит, работает турбина,
Слух находит в отзвуках изъян.

Свет пройдет сквозь заросли орешин
И твою не остановит дрожь.
Но тогда, в осенний лес всмотревшись,
Рембрандта рисунок разберешь.

АВТОПОРТРЕТ

В потускневшем зеркале ответ
Не ищу, там вяз измотан ветром,
Шляпы среди грядок мятый фетр —
В кофте крупной вязки дряхлый Фет
Топчется, напуганный приметой.

Возвращаясь в полной темноте,
В пустоту взираю с укоризной.
Нет застолья на террасе, где
Самовар давно остывший, — не
До изысков и дороговизны.

Слышно, как продать не за рубли
Свой талант, успех, любить до гроба,
Столбиком сложить слова свои
Старшей Кате, младшей Натали
Обещают Заболоцких оба.

Но кого в распахнутом трюмо
Перед тем, как выйти на работу,
Спрашивать не устаю: «Ты кто,
Вставший, как в классическом кино,
Здесь, передо мной в пол оборота?»

ГЕОРГИН ЯКОВЛЕВА

Оттолкнусь, по склону к пруду съеду,
На подъеме выйду на лыжню,
Встану перед зарослью нелепой,
Лыжников отставших подожду.

Надышусь с восторгом малолетки
Белизной безудержной, пока
Плотно забивает снегом ветки,
Сына лепит командир полка.

Холода на вдохехватишь лишку
И, к себе прислушиваясь, как
Слепит монотонно фотовспышка,
Наблюдаешь, Ванечка-дурак,

Честного последствия поступка
И воспоминаний по годам,
Лиговка, кондитерка, покупка,
Карамели двести-триста грамм.

Булькнут вальс и румба в старых трубах,
Пленку в титрах фильма зажует.
Радости — в кульке бумаги грубой,
Времени — до свадьбы заживет.

КАНТЕМИР

Воспоет жигуль в крапиве,
Пену чахлую на пиве,
Как земной судьбы итог
Молдаванин Антиох.

Крестик детский, пыль растений,
Запустеньевневрастеник,

Как Телониус-луддит,
В новой басне прогудит.

Друга школьного в карете
Тонкий лик спустя столетья
Среди смерти на миру
В пробке трафика найду.

Мудрый лис, пугливый заяц —
От меня не отрываясь,
Взгляд твой — синий лес ежа —
Долго будет провожать.

Чтобы вечером и утром
Пелось горестно и трудно,
Были слезы не легки,
С кляксой ер в конце строки.

РОЖДЕСТВЕНО

Отраженье целое, отдельное
Облако от зелени кустов.
Церковь — перевернутое дерево.
Корневища хилые крестов.

Все скрипит калиткой, за околицей
Топчется, не поднимая пыль,
На пеньке сидит, березке молится,
Двум соснам на берегу бобьль

Одинокий — так меня запомнила
И не может позабыть никак
Алая гора с каменоломнями,
Зарева необжитой чердак.

ОТЧЕСТВО

И звучит речь купейная как буриме,
 Чтоб в Орде ее перед раскаяньем вспомнили
 Срочнослужащий с медной звездой на ремне,
 Бородач-вахтовик и старухи-поломники.
 Говорят об истлевшем тряпье и войне,
 «Баба в щели купальни» и «Господи, смилуйся»,
 «Нас немного осталось уже», а в окне
 Проплывают заборы и башни для силоса,

Развалюхи в репье и коровы в пруду,
 И глухие пространства, безлюдные пустоши.
 На перроне любом — Дайка я помогу.
 Инвалида пустите, вы слышите, юноша?
 Как из теплой утробы я слышу теперь
 Приглушенные всхлипы над старыми марками.
 Но Монгол Шуудан не ответит тебе —
 Почему виноват канифас перед бархатом?

Почему облака отражает вода,
 Неучтенную мелочь рассыпала осень?
 Мало нас под землей, на земле меня два,
 А сестер — почитателей Шумана — восемь.
 По пасьянсу выходит, что мне молодым
 Суждено дым пускать, завираться и мучиться.
 Вот ложится на даму червей бардодым,
 Вот король избегает не завидной участи.

А теперь мой колхозный паек на кону,
 Председатель на грядки нас выгнал угрозами.
 Отвлекись от игры, догадайся кому
 Между яблонь разросшихся хлопают простыни?
 Замусоленный свитер цыгану отдай,
 И засохший барвинок найди между рамами.
 Рассекает на белом коне сиволдай,
 Как в утерянном фильме Рустама Хамдамова.

Непредвиденных их, неучтенных потерь
Сколько было — ночных, промежуточных, суточных?
На конечной рассветный туман. А теперь
Мы с вокзала спускаемся к морю по улочкам.
Непогода, рассвет — все один к одному,
В голове от затяжки глубокой кружение.
Со своими стихами ношусь, потому
Что дожидаться уже не смогу утешения.

АРЛЬ

Остановилось мгновенье — гроза в июле,
В шумном саду струи ливня пригнули кроны.
Первое варится, лук и морковь в кастрюле,
А на второе с подливой макароны. —
Здесь отражение кухни хранит стекло.
В запертых створках с другой стороны темно.

Сквозь черный сад, занавеску наклонных линий
Свет пробивается синий, нестойкий, робкий.
Там в темноте остывает треножник пифий,
К жертвеннику на холме зарастают тропки.
Колер землистый. И в пламени каждый крест,
Дождь вышивает, пока мы застыли здесь.

Взгляд поднимает от хлеба ломтя и дальше
Кто-то готовый расплакаться неужели.
Слово осталось, промолвленное тишайше,
Но разбегается множество отражений.
Залито охрой пространство над парой рук.
Охнув во тьме, зашипела глазунья вдруг.

Мама невольница в страшном плену не ропщет,
Мельница медлит над полем за синей далью.
Грубый и немногословный отец надсмотрщик,
Скоро подвергнет нас новому испытанию.

Будет картофель, абсент, кипарис, мистраль
Прятать — бильярд, виноградники — календарь.

НА ТЕРРАСЕ

С прогулки вернусь и забьюсь в уголок,
Измучен душевными ранами.
Добавлю с душицей чабрец в кипяток,
Но горечь не лечится травами.

Цветенье в тенистом саду цикламен —
Лилового рая явление,
Как будто от тянущихся перемен
Дождался и я избавления.

Медлительный мед с детской ложки течет,
На досках стола, как раскладывал,
Три сливы, две груши — Бог нечет и чет —
Прозрачная гроздь виноградная.

Волна и корпускула ставшие мной,
Теория плода и завязи.
Судьбы предначертанной случай слепой,
Трагедия, выход под занавес.

Прощай, лицедейство, успех и молва,
Грядущее в зарослях ревения.
Поэта душа для терзаний мала,
Для сумерек синих и времени.

ОНИ

Плащик, сдача медная с сестерция,
Пуговица, стекла от очков.
И любовь, и дружба, и инерция,
Что хранят двух дряхлых старичков.

Добрый мир, наполненный деталями,
Флаг заката, звезды октябрят,
Остров в дельте, лодка из дюралюминия,
У костра под рыбу дистиллят.

Выучились, выросли, разъехались,
Сами строят семьи далеко.
Время расплзается прорехами
В снах ее и в памяти его.

В вертикальной речке тополь раненный,
Деревце разделено на свет
И закат. Из розового правила,
Как из рая, исключений нет.

КОФЕ

Не город в июле, а нищий в пальто,
Проем с силуэтом туристки,
И слово пророка на стенке метро,
И граффити на обелиске.

Поэт, что запнулся, замкнулся, умолк,
Застыл, засмотревшись на реку,
В которой Овидий для кесаря волк,
Но бог человек человеку,

В которой волна разомкнула уста,
О рифме неточной заботясь.
На прииске в парке промыта листва,
И рыба оставила оттиск.

Стоят облака на заросших холмах,
Рядами плывут кипарисы.
Безумный поэт о пяти головах
Бойся в толпе повторится.

Строения в старости, в детстве пустырь,
Запутанный времени ребус.
Тяжелого выдоха гулкий пузырь,
Плутая, находит поверхность.

СЕМАШКО

Потрескается фреска с танцами
И играми в июньской зелени.
Закончим к октябрю, останутся
Дела семейные, последние.

Натянем простыню больничную
До влажных глаз, до переносицы.
Внимайте: Бабочкой приспичило
Личинке стать к разгару осени.

Концерт скрипичный в исполнении
Оркестра шумного дослушаем.
Ручей проснулся, лес с оленями
Так утром кашляет простужено,

Так суетливо скачет белками
Что голос слышен в каждом шорохе.
Так затянулся год, что некому
Встать у окна за пыльной шторкою.

КОЛБА

Замерз рододендрон-витраж обветшалой стекляшки,
И паром густым говорят чудотворцы с мороза,
И каждый болезненный, без спроса покинувший Пряжку,
Надеется тайно на скорые метаморфозы.

Запомни крючки, антикварные гаммы Элизы,
И детскую книжку открой, как врачаха просила,
Чтоб вычитать в тексте не имя, не слово, не смыслы —
Халдейские буквы, царапины от абразива.

Прижавшись лицом к оргалиту замерзшей едальни,
Себя разгляди, и отпрянь, и качайся, отчалив.
Волнительно запечатлеет портрет моментальный
И скорби морщины и грубые складки печали.

ЦИКУТА

Воздух, пропитавшись дистиллятом,
Длинными словами без идей,
Умирает тихо, где-то рядом
Продолжает жить среди людей.

Химией, цитатой, в перелеске
Рябью солнца по дороге из.
Или снимком лагеря не резким,
Книжным призом. Лермонтов, Детгиз.

Или время полное улыбок,
Взбитое, как масло, вещество,
Или счастья слипшийся обмылок. —
Я не понимаю ничего.